

Ся Цинлу поспешно перезвонил, но на том конце упорно не снимали трубку.

Он удрученно отложил телефон и с силой потер лицо:

— Конец.

Чу Ваннань, похоже, разозлился даже сильнее, чем ожидалось.

Порой спокойная гладь воды куда страшнее бушующих волн, ведь ты не знаешь, что скрывается под поверхностью.

Если бы Чу Ваннань обругал его по телефону последними словами, Ся Цинлу бы только выдохнул с облегчением — это хотя бы значило, что гнев вышел наружу.

Но Чу Ваннань промолчал, бросив лишь: «Ся Цинлу, ну ты и наглец».

Разве это ругань?

Конечно нет!

Чу Ваннань сейчас наверняка копит всё это в себе, а если он будет и дальше так киснуть, то превратится в какого-нибудь психопата!

Ся Цинлу в досаде постучал себя по голове: как он мог забыть об этой скверной черте Чу Ваннаня!

Тот еще с детства обожал дуться втихомолку. Увидит, как Ся Цинлу играет с другими детьми, забудет про него — и всё, Чу Ваннань обижен. В тот момент ничего не скажет, уйдет с каменным лицом, а на следующий день просто отказывается играть вместе.

Ся Цинлу тогда ничего не понимал, бегал за ним хвостиком с конфетами, но Чу Ваннань продолжал дуться.

«Ну и ладно, — думал Ся Цинлу, — новый мальчик больше не хочет со мной водиться».

Погрустив один вечер, на следующий день Ся Цинлу со спокойной душой уходил играть к другим ребятам.

Чу Ваннань стоял в стороне, совершенно ошарашенный. Глаза его постепенно наливались влагой, и в конце концов он не выдерживал — слезы катились градом, что пугало Ся Цинлу до икоты.

Ся Цинлу смотрел на него, кривил рот и сам неведомо почему начинал реветь. Причем орал он куда громче Чу Ваннаня — от этого воя Ся Тин испуганно выглядывал с балкона, думая, что с сыном случилось что-то ужасное.

Позже, узнав причину, все трое родителей не знали, плакать им или смеяться, и, взяв детей за руки, заставляли их мириться.

Ся Цинлу надолго запомнил тот случай. Позже он не раз намеренно злил Чу Ваннаня, но, как только лицо того каменело, вовремя заставлял его высказать причину недовольства, после чего извинялся сам.

Благодаря этому Чу Ваннань постепенно избавился от привычки копить обиды и научился

говорить о том, что его злит.

Ся Цинлу был несказанно горд собой, вот только позже он нет-нет да и не мог удержаться от того, чтобы подразнить Чу Ваннаня, за что Ся Шаньхань часто ругала его, мол, он вечно обижает друга.

Но сейчас ожидания разошлись с реальностью.

Прекрасно зная правило «не оставляй обиженного человека на ночь», Ся Цинлу пулей скатился по лестнице. Однако когда он прибежал к тому самому дереву у ворот, о котором говорил Чу Ваннань, того и след простыл.

Первым порывом Ся Цинлу было броситься к нему в общежитие, но Чу Ваннань так и не успел сказать, где именно живет.

Поэтому пришлось выбрать самый бесхитростный путь.

— Привет, старшекурсник, не подскажешь, где живут первокурсники с факультета машиностроения?

Повесив трубку, Чу Ваннань без малейших колебаний развернулся и пошел к себе.

По дороге его гнев лишь разгорался, не желая утихать со временем. Высокая фигура в сочетании с лицом, покрытым ледяным инеем и искаженным от ярости, создавали давящую ауру. Прохожие, завидев его, не сговариваясь, уступали дорогу, боясь попасть под горячую руку.

Ван Чжэн как раз собирался в супермаркет за салфетками. Стоило ему открыть дверь, как он почувствовал, что сверху на него легла огромная тень.

Подняв голову, он увидел резкие, ледяные черты лица нового соседа, чей взгляд из-за гнева казался еще более пронзительным.

Тот опустил глаза.

Ван Чжэн почтительно вжался в косяк, освобождая путь.

— Ты уходишь? — внезапно спросил новый сосед.

Ван Чжэн был польщен таким вниманием:

— Д-да, иду в супермаркет купить кое-что.

Все еще были плохо знакомы, а у соседа было такое лицо, будто он готов убить любого, кто подойдет близко. Ван Чжэн набрался смелости:

— Тебе нужно что-нибудь купить?

Чу Ваннань:

— Нет, спасибо. В супермаркете сейчас толпа. Если не горит, лучше подожди минут десять.

Не ожидая от него такой заботы, Ван Чжэн поспешно закрыл дверь:

— О, точно, я не тороплюсь, совсем не тороплюсь. Пойду через десять минут.

Он наблюдал, как сосед с мрачным видом сел на свое место и одним махом осушил бутылку минералки, словно пытаясь потушить пожар внутри. Затем, погруженный в какие-то мысли, он сжал пустую пластиковую бутылку.

Ван Чжэн с замиранием сердца слушал скрежет и треск деформируемого пластика. Двое других соседей, видимо, чувствовали то же самое: они притихли и старались двигаться как можно тише, боясь, что лишний звук привлечет внимание Чу Ваннаня.

Четверо парней еще не успели даже сесть и нормально поговорить, но пищевая цепочка в комнате уже определилась.

Чу Ваннань, без сомнения, был мужчиной на вершине этой цепи.

Атмосфера в комнате была мертвенно тихой, что резко контрастировало с шумом снаружи. К счастью, вскоре сосед внезапно встал и вышел на балкон, плотно закрыв за собой дверь.

Комната ощутимо «полегчала».

Ван Чжэн отсчитал время и, как только десять минут истекли, на цыпочках выскользнул за дверь.

Когда он вернулся, Чу Ваннань уже снова сидел за столом. Хотя в комнате по-прежнему было тихо, обстановка стала куда терпимее, чем до его ухода.

Ван Чжэн терпеть не мог неловкое молчание, поэтому, чтобы растопить лед, он, переборов страх, заговорил о том, что видел на лестнице:

— Я сейчас поднимался и видел парня, который заглядывал в каждую комнату — искал друга. Наш универ всё-таки огромный, да? Я сам чуть свою комнату не потерял, когда только пришел.

Раз кто-то начал разговор, двое других тут же подхватили.

— Это точно. Но нам еще повезло — наше общежитие близко к учебным корпусам. Я слышал, у некоторых кураторов рука несчастливая — вытянули комнаты в самом дальнем конце, им до пар минимум полчаса топать.

— Столовая от нас тоже далековато. Я решил, что буду ходить туда в «непиковые» часы.

Теперь единственным, кто молчал, оставался Чу Ваннань.

Троица синхронно посмотрела на него.

Чу Ваннань заговорил, но его слова не имели никакого отношения к размерам университета:

— Искал друга?

Он спрашивал Ван Чжэна о том парне.

Ван Чжэн тут же закивал:

— Ага. Видимо, долго уже ищет — весь в мыле, лицо красное.

Чу Ваннань покосился на мобильник, лежащий на столе. Он вспомнил, что из-за злости не заглядывал в него после того, как повесил трубку.

Он выходил на балкон, чтобы остыть, но там было душно, и его гнев не только не утих, но и разгорелся с новой силой. Единственное, чего он добился, — это научился прятать его поглубже, чтобы не пугать соседей.

Когда дядя Ся сказал ему, что Ся Цинлу подал документы в Бэйда, Чу Ваннань не мог в это поверить. Ся Цинлу ни разу не обмолвился об этом; за секунду до звонка Чу Ваннань всё еще был уверен, что тот приедет в Цинхуа.

Ярость от обмана вспыхнула с новой силой, когда Ся Цинлу признался, что просто побоялся сказать. Гнев ударил в голову.

Ему пришлось прервать разговор, потому что он боялся, что наговорит лишнего, потеряв рассудок.

Чу Ваннань смотрел на телефон. Злость никуда не делась, но при словах «весь в мыле» пальцы невольно дрогнули, и он всё же открыл мессенджер.

Ся Цинлу прислал кучу извинений, спрашивал номер комнаты, а не получив ответа, искренне просил дать шанс объясниться лично.

Однако чем искреннее были эти слова, тем меньше Чу Ваннань понимал, как Ся Цинлу мог скрывать это так долго, не подав ни малейшего знака.

Он вдруг вспомнил тот день, когда просил у Ся Цинлу показать уведомление о зачислении — они тогда немного повздорили, и он ушел ни с чем.

Оказывается, уже тогда Ся Цинлу обманывал его.

Значит, зацепки были, просто он сам их не разглядел.

Чу Ваннань помрачнел и быстро набрал: «Я пока не хочу тебя видеть». Нажал «отправить».

Он боялся, что при встрече не сдержится и действительно побьет Ся Цинлу.

Ся Цинлу только что вышел из очередной комнаты. Вид у него был настолько плачевный, что мама одного из студентов сжалилась и всучила ему кусок огромного арбуза, купленного для угощения.

Он вытер пот о плечо, укусил арбуз, чтобы хоть немного утолить жажду, и собрался идти к следующей двери.

В кармане завибрировал телефон. Он вострепнулся и тут же открыл сообщение.

Точно, от Чу Ваннаня!

Но не успел Ся Цинлу обрадоваться, как прочитал текст.

Только что поднявшиеся брови мгновенно поникли.

Хотя Чу Ваннань сказал, что не хочет его видеть, Ся Цинлу уныло доел арбуз, вытер руки и всё же решил продолжить поиски.

Однако Чу Ваннань предугадал его действия: «Только попробуй прийти».

Тон был настолько грубым и резким, что от многолетней дружбы не осталось и следа. Это ясно давало понять: гнев и не думал утихать, более того — на этот раз всё было по-настоящему серьезно.

Ся Цинлу, пытаясь найти хоть каплю позитива, проанализировал эту фразу, повесил голову и больше не решился искать Чу Ваннаня.

После поступления начались бесконечные собрания групп и курсов, выдача военной формы, учебников. Заработали кружки и секции, зазывая новичков. Ся Цинлу крутился как белка в колесе, умудряясь лишь в короткие перерывы строчить Чу Ваннаню извинения и мольбы о мире.

К сожалению, после того дня WeChat Чу Ваннаня словно вымер — ни единого ответа.

Каждый вечер Ся Цинлу во все глаза смотрел на его аватарку.

Отсутствие ответов и то, что чат превратился в его монолог, привели к тому, что от первоначального беспокойства Ся Цинлу перешел к стадии «будь что будет». Он вернулся к своему обычному состоянию и начал заваливать Чу Ваннаня всякой ерундой.

«Сегодня ходил смотреть набор в клубы. Народу тьма, кружков столько, что глаза разбегаются. У них даже есть "Клуб бездельников", суть активности которого — просто валять дурака. Это же идеально для меня!» — Ся Цинлу увлеченно печатал, лежа на кровати.

За несколько дней ребята в комнате притерлись друг к другу.

У Юнхао любопытствовал:

— Третий, ты чего каждый вечер с кем-то переписываешься? Девушка появилась?

— А? — Ся Цинлу перевернулся к нему лицом. — Нет, это я с другом детства чатюсь.

— Ну у вас и отношения, — вздохнул У Юнхао. — Я в последнее время так замотался, что даже родителям позвонить некогда.

Сюй Цзюнь вышел из душа с тазом в руках:

— Это еще что. Посмотрите на Старшего — вкалывает с утра до ночи, его вообще в комнате не видно.

В первый же день на собрании группы выбрали старосту.

Инь Боюй благодаря своему красноречию, юмору и искреннему виду победил с огромным отрывом. Вступив в должность, он тут же погрузился в работу с куратором и теперь носился как угорелый.

В этой комнате Ся Цинлу меньше всего знал именно его.

Он высунул голову из-за края кровати:

— Уже почти одиннадцать. Наверное, скоро придет. Надо ему горячей воды набрать?

Инь Боюй уходил ни свет ни заря и возвращался затемно, так что за эти пару дней все привыкли. Иногда он присылал извиняющееся сообщение, и ребята набирали ему термос с горячей водой, чтобы он не остался без душа после полуночи, когда подачу отключают.

У Юнхао заглянул в телефон:

— Сказал, не надо, он уже на подходе.

Не успели слова затихнуть, как дверь открылась и вошел Инь Боюй с неизменной улыбкой. Он поднял красный пакет:

— Купил вам мороженое, налетайте.

В комнате работал кондиционер, но толку от него было мало — несколько здоровых парней в одной комнате выделяли слишком много тепла. Кондиционер плюс вентилятор — и всё равно жарко.

Мороженое Инь Боюя пришлось как нельзя кстати.

У Юнхао, кусая эскимо, спросил:

— Старший, с чего это вдруг такая щедрость?

Глаза Инь Боюя светились тихой радостью:

— Нашел подработку сегодня, настроение хорошее.

Ся Цинлу, уже расправившийся с верхушкой своего мороженого, вставил:

— Так ты поэтому так поздно возвращался — подработку искал?

Инь Боюй:

— Ага. Искал несколько вариантов, но по времени никак не получалось совместить с учебой. А сегодня наконец нашел то, что надо.

Работа, которую он нашел сегодня, находилась в паре станций метро — всего десять минут в пути. И близко, и зарплата для такой работы вполне достойная.

Решив вопрос с деньгами, который тяготил его с самого начала учебы, Инь Боюй чувствовал себя просто превосходно.

К тому же за эти дни он понял, что соседи ему достались отличные — ни одно из его опасений не подтвердилось. Инь Боюй подумал, что после поступления в Бэйда удача наконец повернулась к нему лицом: теперь не нужно слушать ворчание отчима о том, что он дармоед, и не нужно видеть тех придурков из прежней школы.

Только он обрадовался, как услышал недоуменный вопрос Ся Цинлу:

— Эй, Старший, а ты чего мороженое не ешь?

Потому что денег нет, молодой господин. Знаешь, во сколько обошлись три порции? В десять с половиной юаней — этого бы мне хватило на два социальных обеда в столовой.

И почему в университетском магазине всё такое дорогое? Самый простой молочный лед стоит всего два юаня, но такой и предлагать-то стыдно, так что пришлось, скрепя сердце, выбрать по три с половиной.

Инь Боюй ответил так лишь про себя, на лице же сохранил дружелюбную улыбку:

— Я уже съел свое, вы угощайтесь.

Если бы не помощь ребят с горячей водой в прошлые дни, он бы ни за что не решился потратить эти десять с половиной юаней.

Соседи были неплохими ребятами, единственный минус — по ним было видно, что семьи у них обеспеченные. Особенно этот Ся Цинлу: его кроссовки стоят несколько тысяч. Мало того что дорогие, так их еще и не достать — его сводный брат, обливаясь слезами от жадности, выложил несколько сотен перекупщикам, но так и не смог их заполучить.

При мысли об этом Инь Боюй почувствовал укол зависти; в нем проснулось сильное желание завладеть чужими деньгами.

Да, он ненавидел богатых и не прочь был бы ограбить всех толстосумов мира, и лишь закон удерживал его от этого.

Изначально Инь Боюй планировал поступить на экономический. Судя по проходным баллам прошлых лет, он должен был пройти без проблем, но в этом году Бэйда сократил набор на экономику, из-за чего и без того высокая планка взлетела до небес. В итоге ему волей-неволей пришлось идти на психологию.

И надо же было этому случиться именно в его год! Почему бы им не объявить о снижении стоимости обучения, когда придет пора платить?

Знал бы — подался бы в соседний Цинхуа.

Инь Боюй в мыслях нещадно колотил родной университет, но внешне ничем себя не выдавал.

Услышав его ответ, ребята поверили и наперебой принялись благодарить.

Доев и вымыв руки, Ся Цинлу снова залез на кровать и принялся строчить Чу Ваннаню: «Наш Старший угостил всё общежитие мороженым, наконец-то стало не так жарко».

Вж-ж!

Телефон на столе завибрировал. Чу Ваннань покосился на него, неспешно провел последнюю черту в книге, закрыл колпачок ручки и только тогда разблокировал экран по отпечатку пальца.

Увидев упоминание о мороженом, он нахмурился.

Почти полночь, а он ест холодное перед сном — и не боится, что живот прихватит.

Чу Ваннань с бесстрастным лицом мысленно поставил Ся Цинлу еще одну «галочку».

Если бы его мысли можно было превратить в список дел, тот был бы испещрен «преступлениями» Ся Цинлу, включая, но не ограничиваясь: мороженое перед сном; ледяные напитки залпом после строевой подготовки; игры до двух ночи с сопутствующим беспокойством окружающих; отсутствие завтрака...

Чу Ваннань фиксировал каждую мелочь, проскальзывавшую в болтовне Ся Цинлу, дожидаясь дня расплаты.

«Я правда осознал свою вину, давай встретимся, мы же почти неделю не виделись /жалобный смайлик/».

Очередное сообщение с просьбой о перемирии прервало мысли Чу Ваннаня.

Если пролистать чат вверх, можно было увидеть, что Ся Цинлу присылал нечто подобное каждый вечер перед сном.

И Чу Ваннань, как и в прошлые ночи, оставил его без ответа.

— Семья, смотрите, что я притащил! — Ван Чжэн, толкнув дверь корпусом, вошел в комнату с пластиковым пакетом в руках и ловко закрыл дверь ногой.

Все, кроме Чу Ваннаня, тут же сгрудились вокруг него.

— Апельсины? Откуда?

Шань Сянцзэ задал вопрос, уже автоматически выуживая плод из пакета и оглядываясь в поисках ножа.

Ван Чжэн подбросил свой апельсин и поймал его:

— Тот самый старшекурсник угостил. Сказал, родные прислали слишком много, вот он и решил поделиться.

Шань Сянцзэ, занятый нарезкой, вставил:

— Ты про того Янь Сюэхуэя с факультета искусств? Не думал, что такой красавчик окажется настолько радушным и щедрым. Я полагал, такие «звезды кампуса» высокомерны и к ним не подступиться.

Ван Чжэн усмехнулся:

— В нашей комнате тоже есть «звезда кампуса», так что ничего удивительного.

Он протянул пару апельсинов Чу Ваннаню:

— Третий, не возьмешь?

Чу Ваннань лишь мельком глянул:

— Нет, спасибо.

Чаще всего его лицо ничего не выражало, что создавало впечатление неприступности. Но за эти несколько дней ребята поняли, что он просто холоден с виду, а по натуре человек хороший и всегда готов помочь, так что они больше не терзались сомнениями, не обидели ли они его

чем-то.

Ван Чжэн спокойно убрал руку:

— Не ешь — тогда мы доедим.

Чу Ваннань кивнул.

Обе комнаты потихоньку притирались друг к другу.

Когда Инь Боюй открыл глаза, было ровно шесть утра. С бесстрастным лицом он выключил будильник, бесшумно слез с кровати, умылся и, подхватив рюкзак, вышел.

Помимо подработки вне вуза, он записался в программу трудоустройства студентов на кампусе — ему нужно было рано утром помогать в столовой на раздаче завтраков.

Первые две недели в Бэйда были отведены под военные сборы, построение начиналось в 7:30. Инь Боюй приходил в столовую к 6:30, работал до самого сбора, наспех перекусывал и бежал на плац.

Поскольку тренировки шли весь день, а четырнадцатидневные летние сборы в Бэйда — это святая традиция, хозяин магазина, где он подрабатывал, на его робкую просьбу великодушно ответил:

— Ничего страшного, приходи, когда закончатся сборы. У меня есть еще пара новеньких студентов, справимся.

Бэйда определенно был местом его силы: даже начальник попался понимающий. Инь Боюй в очередной раз мысленно поблагодарил судьбу за то, что вырвался из того дома.

Военная подготовка изматывала до предела. Когда в девять вечера объявляли отбой, Инь Боюй едва волочил ноги до общежития. Горло пересохло, единственным желанием было сесть и выпить воды; он едва удерживал на лице привычную улыбку.

Но перед дверью в комнату он собрался с духом, «нацепил» улыбку обратно и вошел:

— Я вернулся.

Трое соседей сидели вместе. Видимо, тоже только пришли: форма еще на них, лица потные.

Заметив его, Ся Цинлу обернулся:

— О, пришел! Мороженое будешь? Я только что купил.

При упоминании мороженого Инь Боюй вспомнил свои вчерашние траты, и улыбка стала натянутой:

— Нет, спасибо, ешьте сами.

Долг за горячую воду он уже вернул вчерашним угощением, а влезать в новые долги не хотелось — за всё приходится платить.

Инь Боюй сел, чувствуя, как наконец расслабляются забытые мышцы ног и поясницы. Взгляд его немного смягчился, но жажда, которую он подавлял весь день, нахлынула с новой силой.

Только он собрался встать за водой, как перед его лицом появилось мороженое. А за ним — сияющая физиономия Ся Цинлу.

— Бери, я угощаю!

Инь Боюй попытался вежливо отказаться еще раз:

— Правда, не...

Ся Цинлу проворчал:

— И чего в этой школе всё такое дорогое? Эта штука стоит целых четыре с половиной юаня!

На полуслове он замолк, а Инь Боюй уставился на мороженое красными глазами:

— Съем. Спасибо тебе.

Четыре с половиной юаня! На целый юань дороже того, что купил я! Что этот Ся Цинлу о себе возомнил? Лучше бы просто отдал мне эти деньги деньгами.

Инь Боюй сорвал обертку и яростно откусил кусок, но зубы тут же занули от холода, и его лицо исказилось. Тем не менее он продолжал держать кусок льда во рту. Мороженое за четыре с половиной юаня — грех не съесть!

Ся Цинлу рассмеялся:

— Ну как, вкусно? Летом мороженое — самое то!

У Юнхао и Сюй Цзюнь, рассудив, что их форма всё равно перепачкана в пыли плаца, уселись прямо на пол — холодная плитка отлично охлаждала. С мороженым во рту они дружно поддержали слова Ся Цинлу.

Инь Боюй тоже жевал, поэтому ответить не мог.

Ну, сойдет. На самом деле обычное мороженое. — подумал он, однако доел всё до последней крошки.

Незаметно пролетели пять дней сборов.

На плацу под палящим солнцем первокурсники стояли навтыжку. Тень от козырька кепки закрывала лишь глаза, остальное лицо нещадно жарилось. Пот катился со лба на переносицу, замирая на самом кончике, но никто не смел его вытереть — инструктор предупредил: одно лишнее движение — и стоим на десять минут дольше.

Лицо Ся Цинлу горело, затылок пекло; ему казалось, что к концу сборов с него слезет кожа.

Едва дождавшись перерыва, он плюхнулся на землю и начал жадно пить воду. Инструктор объявил:

— Просто сидеть скучно. Может, кто-нибудь выйдет и покажет свои таланты? Есть добровольцы?

Все начали оглядываться по сторонам, а Ся Цинлу продолжал сосредоточенно пить. Когда в горле немного отпустило, он во всё горло крикнул:

— Докладываю!

Инструктор воодушевился:

— Что? Хочешь выступить?

Ся Цинлу проорал в ответ:

— Никак нет! Разрешите отлучиться в туалет!

Помолчав секунду, добавил:

— И за водой заодно.

Лицо инструктора сменилось с предвкушающего на безразличное, он махнул рукой:

— Иди уже.

Туалет и вода были легальными способами сбежать с плаца и не жариться на бетоне, так что еще несколько человек тут же «доложили» о тех же нуждах.

Инструктор:

— Кто еще? Быстрее, чтобы вернулись до того, как главный свистнет!

Ся Цинлу сначала набрал воды, потом зашел в туалет. Поставив стакан на раковину, он плеснул в лицо пригоршню холодной воды. Только после нескольких раз жар немного спал. Кристальные капли стекали по его раскрасневшимся щекам, мокрые ресницы поблескивали. Когда он поднял взгляд, в его глазах читалась какая-то меланхолия, придававшая ему загадочности.

Он присел в тени дерева, дожидаясь Сюй Цзюня. Прохожие невольно задерживали на нем взгляд, а потом вполголоса обсуждали его с друзьями.

Никто и не догадывался, что на самом деле Ся Цинлу терзали мрачные мысли.

Завтра суббота, а Чу Ваннань так и не остыл. На сообщения не отвечает.

Неужели он правда решил с ним порвать?

Ся Цинлу помрачнел, погружившись в раздумья, словно решал вопрос жизни и смерти.

По сюжету в университете «Чу Ваннань» должен был почувствовать себя как рыба в воде. Если верить книге, он уже должен был пересечься с ключевой фигурой — «звездой» факультета искусств Янь Сюэхуэем.

Янь Сюэхуэй, помешанный на искусстве, влюбился в идеальное тело Чу Ваннаня с первого взгляда. Под предлогом приглашения в качестве натурщика они должны были начать сближаться. Книга описывала Янь Сюэхуэя как невероятного красавца и музу для всех студентов-художников. А учитывая его напор в завоевании Чу Ваннаня...

Даже Чу Ваннань не смог бы долго держать оборону против такого человека. Наверняка они сейчас мило беседуют, и Чу Ваннаню просто не до эсэмэсок.

Любовь — это святое, а друг — так, расходный материал.

Ся Цинлу причмокнул губами; в груди почему-то стало кисло.

— Третий, пошли, пора возвращаться.

Сюй Цзюнь вышел и увидел Ся Цинлу, который сидел на корточках с таким унылым видом, будто был грибком, выросшим после дождя.

— Что случилось? — удивился он.

За неделю стало ясно, что Ся Цинлу — парень жизнерадостный, всегда с улыбкой, прямой и бодрый, как молодой тополь. Видеть его таким подавленным было в новинку. Под взглядом этих несчастных глаз Сюй Цзюнь невольно почувствовал прилив сочувствия. Как «второй брат» в комнате, он счел своим долгом наставить запутавшегося «третьего».

Он потянул Ся Цинлу за руку:

— Пойдем, по дороге расскажешь.

Ся Цинлу, обнимая бутылку с водой, поплелся следом с серьезным лицом:

— Сюй Цзюнь, скажи, если твой лучший друг влюбится, что ты будешь делать?

Называть друг друга по номерам было неудобно, поэтому в комнате все обращались к Сюй Цзюню по имени.

— Лучший друг? — Сюй Цзюнь быстро сообразил. — Ты про того друга детства? Он влюбился?

Можно ли считать это любовью? Сейчас у них с Янь Сюэхуэем, скорее всего, стадия ухаживаний.

— Нет, наверное, еще нет, — честно ответил Ся Цинлу.

— Значит, ты переживаешь, что когда он влюбится, у него не останется на тебя времени?

Ся Цинлу нерешительно кивнул.

«Обычная дилемма: кто важнее — партнер или друг», — догадался Сюй Цзюнь и похлопал его по плечу:

— Это нормально. У людей всегда есть чувство собственности по отношению к друзьям. Не хочется, чтобы у них был кто-то ближе, чем ты.

Сюй Цзюнь принялся рассуждать:

— Вот и у тебя так: всё было хорошо, и вдруг он может тебя оставить ради свидания. Это вызывает чувство одиночества, но это нужно просто пережить. Думай так: друзья — это друзья, а любовь — это любовь. Даже если времени на тебя станет меньше, ты всё равно останешься его лучшим другом. Со временем привыкнешь.

Ся Цинлу ударил кулаком в ладонь. Наконец-то он понял, откуда взялось это гнилое чувство в последнее время.

Тогда, во время звонка Чу Ваннаню, он всё решил: нужно держаться подальше от проблем вокруг Чу Ваннаня, чтобы не расстраиваться.

Понимать-то он понимал, но между теорией и практикой — пропасть. Привычку десятилетий не изменить за миг. Без Чу Ваннаня под боком всё казалось пресным.

Чу Ваннань не отвечает неделю, в Цинхуа на него уже точат зуб... Так не пройдет и месяца, как он окажется на задворках его жизни. Даже если ему суждено стать просто фоном в этом романе, то события развиваются слишком быстро! Он не был готов.

Ся Цинлу не глядя пнул камешек в траву. Камешек покатился, в точности повторяя смятение в его душе. Маленький голос внутри нашептывал: «Неужели мы правда должны стать чужими?».

Весь остаток дня Ся Цинлу провел в меланхолии и в таком же настроении в одиночестве возвращался в общежитие.

Чу Ваннань хоть и злился, но в черный список его не добавил. Значит, можно продолжать доставать его в WeChat или просто позвонить и в лоб спросить, нужен ему такой друг или нет.

За неделю игнора чувство вины Ся Цинлу чудесным образом трансформировалось в чувство правоты. Шаг стал тверже, походка — увереннее, глаза заблестели боевым задором. Плевать, хочет он его видеть или нет, сегодня он его поймает и выложит всё как есть!

Настроившись, Ся Цинлу забил на ужин и решил рвануть в Цинхуа, но прямо у ворот университета увидел фигуру, которой здесь быть не должно.

Он замедлил шаг, в недоумении остановился и уставился человеку в спину. Когда тот обернулся и знакомое лицо появилось в поле зрения, в груди у Ся Цинлу будто лопнули тысячи легких пузырьков счастья.

Глаза его сияли:

— Чу Ваннань!

Взгляд Чу Ваннаня безошибочно выхватил его из толпы. В глазах промелькнула невольная нежность, но стоило ему вспомнить о «подвигах» этого парня, как тень улыбки исчезла, сменившись холодом.

— Чу Ваннань!

Ся Цинлу подбежал поближе, но в паре метров вдруг замедлился. У Чу Ваннаня появилось дурное предчувствие, холод на лице дрогнул:

— Только не прыгай!

К несчастью, он опоздал на полсекунды. Ся Цинлу присел, напряг мышцы ног и мощным прыжком бросился ему на шею. От сильного толчка и неожиданности Чу Ваннань, хоть и успел подхватить его, попятился на два шага, прежде чем восстановить равновесие. Сердце его пропустило удар от испуга.

Ся Цинлу этого даже не заметил. В порыве радости он обхватил ногами талию Чу Ваннаня,

вцепился в его плечи и принялся неистово трясти:

— Чу Ваннань! Я только хотел за тобой бежать, а ты сам пришел! Какое совпадение!

Никакое не совпадение, — подумал Чу Ваннань. Зная характер Ся Цинлу, он понимал, что тот выдержит игнор максимум пять дней. Пять дней он будет паинькой, а потом сорвется и примчится сам, не в силах больше терпеть.

Пять дней были пределом и для самого Чу Ваннаня. За это время ярость успела остыть; сейчас, глядя на Ся Цинлу, он всё еще злился, но больше чувствовал бессилие.

Да и кого винить? То, что Ся Цинлу — трусишка, он знал не первый день. То, что этот оболтус умудрился скрывать правду два месяца из страха перед его реакцией, было абсурдно, но в стиле Ся Цинлу.

Первые два дня Чу Ваннань честно негодовал, ворочался по ночам, но постепенно сам же начал искать оправдания для друга. Это было плохо: если он не поговорит с ним сейчас, Ся Цинлу в следующий раз окончательно сядет ему на шею. Поэтому он и пришел.

Раз уж у обеих сторон появилось желание поговорить, а эмоции улеглись, настало время решать проблему. Прохожие с любопытством оглядывались на обнимающуюся парочку и перешептывались.

Чу Ваннань похлопал Ся Цинлу по ноге:

— Слезай живо.

Ся Цинлу, потихоньку спускаясь, проворчал:

— Столько времени не приходил, сердце у тебя каменное. Я думал, ты со мной расстаться решил.

— У кого тут еще сердце каменное, — сухо отозвался Чу Ваннань.

Столько времени молчать и признаться только тогда, когда скрывать стало невозможно... Он ведь знал, что Чу Ваннань ни за что не оборвет с ним связь из-за этого.

Ся Цинлу притих. Он осторожно заглянул другу в лицо:

— Ты всё еще злишься?

Чу Ваннань не выдал своих чувств:

— А ты как думаешь?

Ся Цинлу почувствовал неладное. Неужели Чу Ваннань всё еще в ярости? Вдруг он сейчас развернется и снова исчезнет? С этой мыслью он мертвой хваткой вцепился в руку Чу Ваннаня.

Тот опустил взгляд:

— Ты что делаешь?

— Боюсь, что убежишь, — настороженно ответил Ся Цинлу.

Чу Ваннань закатил глаза:

— Не убегу. Я пришел послушать, как ты будешь оправдываться.

В этом была логика. Ся Цинлу медленно разжал пальцы, но тут же спохватился:

— В смысле — оправдываться?!

Чу Ваннань уже развернулся и зашагал прочь, а Ся Цинлу засеменил следом.

— Если это не оправдания, тогда скажи мне истинную причину, по которой ты это скрывал, — Чу Ваннань слишком хорошо знал друга, чтобы надеяться на правдивый ответ.

Ся Цинлу проглотил уже готовую жалобу.

Придется всё-таки оправдываться.

Не скажешь же: «Я прочитал книгу, где ты становишься неутомимым героем-любовником, и мне стало страшно». Это звучало безумно. Расскажи он такое — и Чу Ваннань, не слушая возражений, потащил бы его на обследование к психиатру.

Мозг Ся Цинлу заработал на рекордных оборотах.

«Так, и как же мне выкрутиться?» — мучительно размышлял он.

Чу Ваннань краем глаза заметил выражение его лица и едва не расхохотался от злости. Ся Цинлу действительно всерьез придумывал ложь. Слава богу, у Чу Ваннаня не было проблем с сердцем, иначе он бы скончался на месте от возмущения.

В душе он холодно усмехался, но в то же время терялся в догадках: что же за причина заставила Ся Цинлу так отчаянно лгать?

Он начал вспоминать, когда у Ся Цинлу впервые проявились странности. Кажется, это было после их первой совместной попойки: Ся Цинлу тогда по непонятной причине просидел дома целую неделю, не отвечал на сообщения или отвечал с большой задержкой.

Неужели в ту ночь случилось что-то, чего он не знал?

Чу Ваннань считал это маловероятным, ведь Ся Цинлу набрался до бесчувствия, и он сам приводил его в порядок и укладывал в постель. Хотя Ся Цинлу и проснулся первым, он находился в комнате — что могло произойти?

Ся Цинлу пребывал в глубоких раздумьях, Чу Ваннань тоже — на лицах обоих застыло одинаковое выражение досады, словно скопированное и вставленное.

Когда они нашли место и сели друг напротив друга, оба выпрямились с торжественно-серьезными минами, будто находились не в ресторанчике, а за столом переговоров. Официант в нерешительности замер неподалеку, не зная, стоит ли подходить и спрашивать заказ.

Ладони Ся Цинлу вспотели от волнения: он не знал, как будет отбиваться от расспросов.

Стоит помнить, что Чу Ваннань когда-то участвовал в школьных дебатах и мастерски умел находить лазейки в чужих словах, подвергая их беспощадной критике и допросу. Его жесткий стиль заставлял оппонентов робеть еще до выхода на сцену.

Тогда, сидя в зале и наблюдая, как Чу Ваннань контролирует ситуацию, Ся Цинлу чувствовал лишь восторг. Однако теперь, сидя напротив него и ощущая на себе его испытующий взгляд, он наконец в полной мере осознал чувства тех оппонентов.

К удивлению, этот изучающий взгляд задержался лишь на мгновение, после чего Чу Ваннань первым отвел глаза.

Он махнул официанту, давая знак, что они готовы сделать заказ. Тот, словно получив амнистию, поспешно подбежал и с энтузиазмом спросил:

— Что будете заказывать?

Ся Цинлу не сразу сообразил, что происходит.

Чу Ваннань пододвинул к нему меню:

— Ты разве не проголодался после строевой?

Эти слова будто нажали на кнопку: в животе у Ся Цинлу раздалось громкое урчание, и чувство голода нахлынуло с новой силой.

Казалось, взгляды со всех сторон устремились на него.

Уши Ся Цинлу покраснели, он смущенно закрыл лицо меню, но краем глаза заметил, как Чу Ваннань опустил голову, явно сдерживая смех. Лицо Ся Цинлу тут же вспыхнуло пунцовым.

— Ты еще и смеешься! — он пнул Чу Ваннаня под столом по ноге.

Чу Ваннань убрал руку от губ; уголки его рта были слегка приподняты — если не приглядываться, изменения в мимике были почти незаметны.

— Заказывай.

Перед лицом голода все дела могли подождать.

Ся Цинлу в отместку заказал три блюда и только тогда вернул меню:

— Я выбрал.

Чу Ваннань взглянул на заказ, кивнул и передал меню официанту, который тут же удалился.

После этого за столом снова воцарилось молчание.

Ся Цинлу делал глоток за глотком, украдкой наблюдая за выражением лица друга, и внезапно столкнулся с ним взглядом.

— Кхм! — громко кашлянул Ся Цинлу, поставил чашку и решил признаться первым, чтобы смягчить вину.

— На самом деле, я подумал, что вокруг тебя слишком много поклонников, и это точно создаст кучу проблем, поэтому и выбрал Бэйда. Смотри, Бэйда и Цинхуа разделяет всего одна улица, нам всё так же просто видеться и гулять вместе...

Ся Цинлу ловко подрезал корни проблемы: так он и скрыл правду о книге, и не дал Чу

Ваннаню заподозрить ложь.

Чу Ваннань будто не расслышал:

— Слишком много поклонников? Проблемы?

— Ну да, — Ся Цинлу воспользовался случаем, чтобы пожаловаться. — Помнишь, как летом мы шли по улице и столько народу подходило просить твой WeChat? Ты не давал, а некоторые потом тайком зыркали на меня — небось думали, что я твой парень.

При слове «парень» Ся Цинлу мельком глянул на Чу Ваннаня и увидел, что тот нахмурился.

— В университете поклонников у тебя явно станет еще больше. Если они неверно поймут наши отношения и начнут донимать меня, что тогда?

В этих словах слышалось искреннее беспокойство.

В сюжете книги соперники использовали такие изощренные методы, что глаза на лоб лезли. Ся Цинлу казалось, будто он одной ногой наступил в сериал про дворцовые интриги, где с его интеллектом он не протянул бы и трех серий.

Кто сказал, что у мужчин нет коварства? Там этого коварства столько, что на осиное гнездо хватит.

Не зря в оригинале он стал лишь фоновым персонажем — в такой борьбе просто не выжить.

Видя ледяное лицо друга, Ся Цинлу испугался, что тот не верит, и поспешил добавить:

— Ты не думай, в универе уже не запрещают встречаться, вокруг столько ровесников, и многие точно на тебя западут. Да что там университет, даже в старшей школе тебе пачками любовные письма совали!

Разница была лишь в том, что раньше признавались в основном девушки, а теперь — парни.

Чу Ваннань глухо произнес:

— Я не планирую заводить отношения.

— Твои планы не мешают им за тобой бегать. Вдруг они решат, что «вода камень точит», и станут липнуть еще сильнее?

В книге было полно таких преследователей, которых ни ругань, ни кулаки не брали. Они заявляли: пока у Чу Ваннаня нет официальной пары, бороться за место рядом с ним может каждый.

Ся Цинлу предостерег его:

— Если не хочешь отношений, будь осторожнее, не давай себя окрутить.

Конечно, он мог бы со стороны наблюдать, как Чу Ваннаня осаждают мужчины, но сейчас тот явно выказывал отвращение к этой мысли, и как лучший друг Ся Цинлу был на его стороне.

К тому же Ся Цинлу втихомолку «подливал масла в огонь». Если Чу Ваннань будет начеку, поклонникам будет сложнее добиться своего, он не станет тратить на них время, а значит — не

так скоро отдалится от самого Ся Цинлу.

Одним выстрелом двух зайцев. Идеально.

Ся Цинлу мысленно похвалил себя.

— И только из-за этого ты выбрал Бэйда? — Чу Ваннань поднял веки, его взгляд был острым, как нож.

Ся Цинлу тут же отбросил посторонние мысли:

— Разве этого мало? Представь: ты идешь обедать — тебя караулят, возвращаешься в общежитие — тебя караулят, пытаешься учиться — мешают, даже на подработке кто-нибудь обязательно будет клеиться.

Чу Ваннань:

— Если бы ты тогда привел мне эти доводы, я бы разве запретил тебе идти в Бэйда?

Это был еще один повод для злости: скрытность Ся Цинлу выставляла его каким-то деспотичным тираном, что по сути означало недоверие к нему.

Ся Цинлу втянул голову в плечи:

— А если бы я сказал, ты бы всё равно пошел в Цинхуа?

На этот раз замолчал Чу Ваннань.

Ся Цинлу изумленно округлил глаза:

— Ты что, серьезно хотел пойти со мной в Бэйда?!

Раньше он только предполагал такое, считая, что Чу Ваннань на это не пойдет, но тот промолчал.

Ся Цинлу был тронут такой преданностью — их дружба казалась нерушимой. Проблема была в том, что он-то шел в Бэйда как раз ради того, чтобы быть подальше от проблем, которые навлечет на себя друг. А если бы Чу Ваннань пришел следом, то и проблемы притащились бы за ним! Получается, всё, что он только что расписывал, Чу Ваннань пропустил мимо ушей!

Он серьезно спросил:

— Почему ты так ко мне прилепился?

Как раз в этот момент официант принес еду. Чу Ваннань подцепил палочками кусок кукурузы и запихнул его другу в рот:

— Помолчи и ешь.

Причин не требовалось: они были лучшими друзьями детства, а значит — должны быть вместе.

Ся Цинлу замолчал. До конца обеда Чу Ваннань больше не возвращался к теме обмана.

Ся Цинлу не понимал: он что, прошел проверку?

Стоило им выйти из ресторана, как прохлада кондиционера сменилась горячим воздухом улицы. От этого перепада температур на душе у Ся Цинлу стало беспокойно. Он схватил друга за локоть и заискивающе спросил:

— Эй, я еще не был у тебя в университете. Может, я завтра загляну?

Чу Ваннань покосился на него:

— У тебя разве не четырнадцать дней строевой подготовки?

Сборы шли с утра до ночи, свободное время было только на еду — откуда взяться времени на экскурсии? Ся Цинлу просто прощупывал почву, проверяя, перестал ли друг злиться.

Ся Цинлу и правда забыл про сборы. Он запнулся, но быстро нашелся:

— Тогда приду, как только они закончатся.

— Угу, — небрежно отозвался Чу Ваннань.

«Ура!» — в душе у Ся Цинлу расцвели фейерверки, а маленькие счастливые человечки запрыгали от радости.

Спустя неделю Чу Ваннань наконец-то простил его.

Ся Цинлу готов был пустить слезу облегчения — это было непросто. Оказалось, что гнев Чу Ваннаня обходится дороже, чем он думал; в будущем нужно быть осмотрительнее.

Переполненный эмоциями, Ся Цинлу кружил вокруг друга, желая сказать что-то еще, но Чу Ваннань посмотрел на часы и погнал его обратно: скоро время сбора.

Как быстро летит время.

С сожалением Ся Цинлу пришлось расстаться с другом у ворот. Перед уходом он тысячу раз наказал:

— Обязательно проверяй сообщения, не забывай отвечать! Обязательно!

Чу Ваннань почувствовал на себе любопытные взгляды окружающих. Он оттолкнул от себя лицо друга, который будто собирался вытереть слезы и нос о его рукав:

— Понял я, иди уже.

Ся Цинлу уходил, постоянно оглядываясь с тоской в глазах.

Чу Ваннань даже услышал, как кто-то рядом вздохнул:

— Бедные парочки из разных вузов... Малыш, мы с тобой никогда не будем на расстоянии.

— Угу, как скажешь.

Влюбленные, держась за руки, мило воркуя, прошли мимо.

Слова этой парочки напомнили Чу Ваннаню оправдания Ся Цинлу, и он невольно задумался: неужели они с Ся Цинлу действительно так похожи на влюбленных? Почему? Они ведь ведут

себя как обычные друзья детства.

Чу Ваннань глянул на ту парочку; те вздрогнули, решив, что их подслушали, и прибавили шагу.

Все они были чужими людьми, и Чу Ваннань не собирался тратить силы на объяснения. Он отвел взгляд и покинул территорию Бэйда.

Когда он вернулся к себе, все соседи были на месте, плюс еще несколько незнакомых парней из других комнат. Завидев его, те оживились и окружили его, наперебой расспрашивая:

— Чу Ваннань, ты уже решил, в какой клуб запишешься?

Цинхуа требовал от студентов активного участия в жизни вуза, за кружки давали баллы, так что выбирать приходилось всем без исключения. Из-за этого клубная культура здесь процветала, и от обилия вариантов глаза разбежались.

Чу Ваннань изначально планировал пойти в клуб моделирования и сборки механизмов.

Но сейчас, видя плотоядный блеск в глазах незнакомых парней, он почему-то вспомнил слова Ся Цинлу: «Будут караулить в столовой, в общежитии, мешать учиться, даже на подработке клеиться».

Слова про моделирование застряли в горле.

— Решил, — произнес он.

Он обвел всех взглядом, и на его губах медленно заиграла улыбка. Однако от этого вида по спинам присутствующих почему-то пробежал холодок.

— Я иду в клуб бокса.

Все опешили.

Ван Чжэн ляпнул:

— В бокс? Ты же говорил, что хочешь в...

Остаток фразы застрял у него в горле под ледяным взглядом Чу Ваннаня. Ван Чжэн втянул шею: почему после встречи с другом Чу Ваннань стал еще мрачнее? Неужели тот не только не потушил пожар, но и подлил масла в огонь? От этой мысли ему стало не по себе: не хотелось бы попасть под раздачу.

Двое других соседей, последовав его примеру, прикусили языки.

Только гости не сдавались:

— Правда бокс? Мы слышали, ты хотел в моделирование?

— Я передумал, — отрезал Чу Ваннань.

Он прошел сквозь толпу и сел на свое место, давая понять, что разговор окончен.

Гости переглянулись, не зная, верить или нет, и шутливо добавили:

— Точно бокс? Мы же свои, не обманывай нас.

— С чего бы мне вас обманывать? — Чу Ваннань поднял глаза, его темные зрачки мерцали холодом.

После такой прямолинейности в комнате мгновенно стало тихо.

Зачинщик разговора, стиснув зубы, попытался сгладить углы:

— Ха-ха, бокс — это тоже круто, и тело подкачаешь, и навык полезный.

— Да-да, отлично.

Чу Ваннань отвел взгляд. Те парни поначалу лишь успокаивали себя, но чем больше они думали, тем больше им нравилась идея с боксом. В единоборствах не избежать телесного контакта. Можно будет под предлогом совета попросить Чу Ваннаня подсказать прием, коснуться руки, задеть пресс или грудные мышцы...

Глаза у парней заблестели, и они в прекрасном расположении духа удалились.

Теперь любому стало ясно, что этих людей интересовал вовсе не выбор клуба.

Ван Чжэн почесал затылок:

— Так вот почему они так долго здесь торчали, болтали о всякой чепухе и не уходили. Оказывается, метили в Третьего.

Он только не понимал, зачем им знать про клуб. Неужели хотели перепродать информацию девушкам, которым нравится Чу Ваннань?

Шань Сянцзэ покосился на Чу Ваннаня и оттащил Ван Чжэн в сторону:

— Ну ты и тугодум. Те парни сами метили в Третьего.

— Я знаю, они же... — на полуслове Ван Чжэн округлил глаза и недоверчиво уставился на друга. — Да быть не может?

Шань Сянцзэ тяжело кивнул:

— Они смотрели на Третьего, как волки на кусок ароматного мяса. Неужели ты не заметил этот плотоядный взгляд?

Ван Чжэн то открывал, то закрывал рот:

— Я как-то не подумал... А Третий, он что?..

— Он наверняка всё понял.

Будь он не в курсе, лицо бы так не потяжелело. Шань Сянцзэ подозревал, что Чу Ваннаню не привыкать к подобному.

— Это я виноват, — покаялся Ван Чжэн, ведь именно он впустил их в комнату.

Шань Сянцзэ утешил его:

— Пустяки, просто впредь будем знать, что не стоит кого попало пускать.

Оставшийся сосед, Ду Лянгун, усиленно закивал и прошептал:

— Когда один из них говорил, он оперся рукой о стол Третьего, и тот сразу нахмурился.

Ван Чжэн, чувствуя вину, всё же поинтересовался:

— Я раньше думал, что геев мало, почему теперь их вокруг столько?

— Может, в университете круг общения шире? — неуверенно предположил Шань Сянцзэ. — Я раньше тоже с таким не сталкивался.

Сегодня им действительно открылась новая сторона жизни.

Ребята шушукались, но комната была маленькой, и Чу Ваннань слышал каждое слово. С бесстрастным лицом он не стал вмешиваться в их беседу. Вместо этого он открыл приложение для покупок, выбрал подходящие боксерские перчатки и нажал «оплатить».

Раз уж они хотят за ним бегать, он посмотрит, насколько крепкие у них кости.

<http://bllate.org/book/17132/1606222>